

НИВА

Иллюстрированный

Журнал

ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXI г.

№ 19

г. XXI

1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ в три листа съ 6 - 10 рис. и ежемѣсячнымъ даровымъ приложениемъ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 мод. рис.)
Выдаѣть 12 мая 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКИЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНИЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарейль (14 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. П. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особые приложения при
„НИВѢ“ объявленіи отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Возь всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Р. Т. фонъ-Мевесъ.

Генераль-майоръ Ри-
чардъ Траяновичъ
фонъ-Мевесъ, состо-
ящій нынѣ, въ день сто-
лѣтняго юбилея 3-го
Навловскаго полка, его
командиромъ, большую
часть своей жизни про-
велъ на службѣ въ этомъ
полку, почему и полу-
чить право называть его
своимъ роднымъ пол-
комъ.

Произведенный въ
1858 году изъ третьяго
спеціального класса
Константиновскаго ка-
детскаго корпуса въ
прапорщика 3-го На-
вловскаго полка, Ричардъ
Траяновичъ постепенно
занималъ должности:
батальоннаго адъютан-
та, командира 5-й роты,
роты Его Величества и,
наконецъ, командира,
сначала 3-го, а потомъ
1-го батальона. Вышелъ
съ полкомъ Р. Т. фонъ-
Мевесъ сдѣлалъ двѣ
кампаніи: 1863 г. и
1877—78 гг. Въ первой
кампаніи за дѣло съ
польскими мятежника-
ми у мызы Гедройцы,
гдѣ Ричардъ Траяно-
вичъ былъ раненъ, онъ
награжденъ орденомъ
Св. Станислава 3-й сте-
пени съ мечами и бан-
тою.

Столѣтній юбилей лейбъ-гвардіи Навловскаго полка. Командиръ полка, генераль-майоръ
Ричардъ Траяновичъ фонъ-Мевесъ. Св. фог. Шаширо, грав. Шюблеръ.

19 декабря 1875 г.
когда полкъ праздни-
валъ 50 лѣтъ шестиде-
сяти въ Бозѣ почиваю-
щаго Императора Але-
ксандра II, Ричардъ
Траяновичъ, какъ быв-
шій командиръ Государ-
ственной роты, назначенъ
флигель-адъютантомъ
къ Его Императорскому
Величеству. Въ походѣ
1877 г. флигель-адъю-
тантъ фонъ-Мевесъ вы-
ступилъ командиромъ
3-го батальона, съ кото-
рымъ участвовалъ 12
октября въ дѣлѣ подъ
Горинь-Дубнякомъ.
Былъ онъ раненъ въ
сферу огня, гдѣ, усно-
кавалъ батальонъ, обра-
тился къ солдатамъ съ
своими любимыми обо-
рительными словами:
„шанки попрыг! усы
закрути! и смотри —
вѣдькѣ быть молодца-
ми!“ какъ тотчасъ же
былъ раненъ въ кисть
лѣвой руки и конту-
зенъ въ голову и грудь.
Рана была очень на-
серьезна, что Ричардъ
Траяновичъ думалъ,
будетъ на время оставленъ
полку; но отъѣздъ его
продолжался не долго,
и въ трехдневномъ бою
подъ Фалинополемъ онъ
уже въ томъ полковникѣ
фонъ-Мевесѣ съ неволь-
но въ вѣдѣнную, пере-
-

рость французских батальонов, предводимых самим Павловоном, — не смотря на губительный огонь французской артиллерии, ославившей наши линии картечью почти в упор, войска князя Багратиона удержались целый день на занятой ими позиции, и предание о их замечательном мужестве принадлежит к числу самых дорогих и славных воспоминаний в летописях нашей непересеченной армии.

Генерал Мазовский покрывал себя в этот день неувыдаемой славою русского героя, послужившей предметом трогательных легенд и преданий, исполненных военной поэзии. Он в этот день умирал, и умирая на чужбине, вдали от родины, постепенно разстреливаемый неприятельскими пулями и картечью, не думал ни о чем, кроме своего родного полка, которым командовал до последнего вздоха. Весь израненный, со всеми признаками угасания жизни, Мазовский горячо ободрял Павловцев, напоминал их о долге христианина и воина, вриподданного, о приличном поведении полка во вся кампанию и о необходимости поддержать славу его, которое Павловцы заслужили своей кровью... Между тем картечь рвала наши ряды, а новья и новья французские колонны ломали вперед с восторженными криками... Тронутое до слез Павловцы подхватили на руки своего умиротворенного начальника и, по его требованию, вынесли его перед полком. Собрал последний силы Мазовский закричал: "Друзья мои! неприятель усиливается! Умереть или победить! Несомненно вперед, он в последний раз повел Павловцев в атаку; но тут картежная пуля поразила его на смерть. Последние слова этого удивительного, легендарного героя были: "друзья, не робейте!" Скажешь их, Мазовский склонил голову и умер в руках раздавленных, горячо любивших его солдат.

При чтении этих глубоко трогательных строк несколько приходит на память слова поэта:

"Какой святильник доблести угас!
Какое сердце биться перестало!"

Не стало Мазовского, но дух его, также шаг и дух всех великих героев, продолжает жить в полку; он сказался во всех последующих сражениях, не преклоня и великого дьяла под Горный-Дубинком, где Павловцы не только не уронили, но даже подняли славу своих предков. Об этом будем говорить ниже.

Итак с фанатическим усердием отставали Павловцы предмете заживленного неприятельскими снарядами горстка Фриланда. Об этой стойкости русских войск можно прочесть восторженные отзывы даже во французском описании знаменитого историка Тьера.

Выдающаяся служба полка в кампанию 1806 и 1807 гг. обратила на него особое внимание императора Александра I и снискала ему такую награду, какой не имеет ни один полк, а именно — простреленный неприятельскими пулями грендерский шапик, который повелено было оставить

в архив бывшим историком 1-го Павловского полка капитаном генерального штаба, Вороновым:

"Отличное мужество, храбрость и неустрашимость, с которыми подвизался, при неоднократных сражениях в течение минувшей противу французской войны Павловский Грендерский полк, приобрели ему неоспоримое право на мою совершенную признательность и уважение к редким его подвигам. Великий шаг, шаг в сражении судьбный, заслуживший к прославлению его, и все чиновники оказали вообще и в полной мере долг свой, а достойный их начальник, заслуживший кровию своею ратное поле. Мне лестно и усладительно изяснить здесь, что полк сей таковыми действиями украсил славу знаменитого Основателя своего, которого имя ему присвоено. Не смей предать сие пометству и вознаграждать заслуги по достоинству, повелюю, чтобы в почете одного полка, ныне состояща в нем шапки оставились в нем, в том виде, в каком сохранил он с места сражения хотя-бы некоторые из них были повреждены; да будут они всегда служить памятником отменной его храбрости и Монарху к нему благоволения".

Указ этот шапик хранится в полковой церкви Павловского полка, в особой витрине, рядом с другими военными святынями.

В 1814 году Павловский полк чуть было не лишился своих славных грендерок, и только благодаря особому вниманию к полку императора Александра Павловича и находчивости рядового Троицына, этого годовиной уборки сохранил и до сего времени. Еще с 1813 года грендерский шапик обращал на себя внимание многих лиц из союзных войск; все сомневались в удобстве этих шапок, а некоторые из иностранцев монархов даже зашли об этом императору Александру I-му.

Киверь.

В бытность в Париже, государь решил, в виде оштра, заманить грендерки киверами; но вместе с тем он хотел спросить у самих Павловцев: будут ли они довольны такой переменою. Выбрав день, когда караулы в Елисейском дворце занимал Павловский полк, император, выйдя из дворца с кородем Пруским, остановился перед стоящим на часах рядовым Троицыным, уже одетым в киверь, и изволил спросить его: "Приказал заманить ваши шапки киверами, — правится ли вам такая перемена?" — "Ничего нет, Ваше Императорское Величество," смело ответил Троицын: — "а грендерский шапик неприятель не захватит и боится, а к новой форме придется его приучить".

Такой молодецкий ответ рядового Троицына чрезвычайно понравился императору. Государь тотчас же приказал шапки оставить полку грендерский шапки, произвел Троицына в унтер-офицеры, пожаловал ему сто рублей и предоставил право первому здороваться с Его Величеством при всякой встрече. Такой награды не удостоивался ни один солдат русской армии.

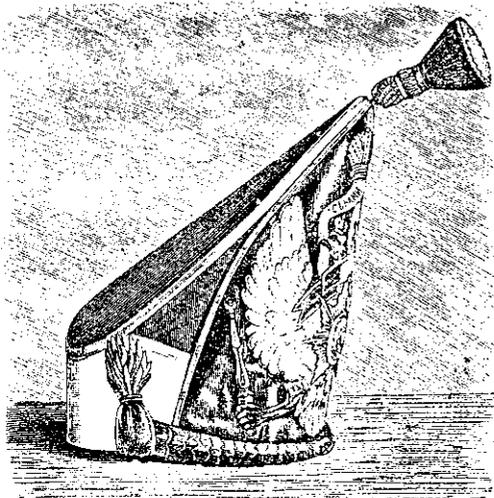
Унтер-офицер Троицын впоследствии имел счастье быть лично известным в Воле почившему императору Александру Николаевичу, и государь с удовольствием вспоминал о нем при разговоре с Павловскими офицерами.

Къ сожалению, краткость этого очерка не позволила нам описать многих событий, служивших к дальнейшему прославлению Павловского полка в 1812—13 и 14 годах. Мы остановились только на главнейших событиях и преимущественно на Отечественной войне. В эту войну 1-й и 3-й батальоны полка были назначены в действующую армию, а второй батальон полаг в состав отдельно действовавшего корпуса графа Витгенштейна, прикрывавшего доступ к Петербургу (тогда полки были трехбатальонного состава).

В главной армии полк участвовал в сражениях: Лубинском, Бородинском, Тарутинском, а также под Мало-Ирпавцем и под Красным.

В Бородинском сражении Павловский полк, вместе со своей дивизией, занимал высоты позад знаменитой деревни Утицы. Все утяти корпуса Полютовского, чтобы овладеть этими высотами, были тщетны; несколько раз, в страшных рукопашных схватках, эта позиция переходила из рук в руки, но в конц сражения все-таки осталась за нами. Дорогою ценой выигли наши волека эту победу: сам командир корпуса, знаменитый генерал Тучков I, заплатил за нее жизнью; пуля поразила его в грудь в то время, когда он лично вел в атаку Павловский полк. Чистая штыковая работа Павловцев дала себя знать и в этом сражении.

В это же время 2-й Павловский батальон с честью дрался в дьялах под Якубовой, Полоцком и Клястицами. В бою под Полоцком, совершенно отрубавшие неприятеля от своих, Павловцы не только пробили себе дорогу штыками, но и привели еще с собою сто человек цбнвных. В особенности же отличился 2-й батальон Павловцев в бою под Клястицами. Разбитые Витгенштейном французы отступали за реку Шичу и, желая прекратить настойчивое

Павловская грендерка.

в том виде, в каком полк сохранил с места сражения. Таким образом 533 простреленных пулями и картечью грендерок, с отчеканенными на них фамилиями отличившихся предков, носят современными Павловцами, при чем на новых грендерках дьяляются пробоины, одинаковы по числу и размеру с полученными в сражениях. Наибольше поврежденная грендерка, неспоренная пулями и картечью, носит имя фельдфебеля Государевой роты.

В 1803 году состоялся следующий Высочайший указ, данный Военной коллегии и сь большим трудом разысканный

Столѣтній юбилей л.-гв. Павловскаго полка. Императоръ Александръ I и король Прусскій въ Парижѣ въ 1814 г. Рядовой Тропинъ своимъ отвѣтомъ сохраняетъ полку гренадерки.

Ориг. рис. професс. Шарлеманя (право воспроизведенія въ гравюрахъ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. В. Пуць.

Столѣтній юбилей л.-гв. Павловскаго полка. Командиръ полка, генералъ Мазовской, тяжело раненый, воодушевляеть полкъ въ сраженіи подѣ Фридландомъ, 2 іюня 1807 года.

Рис. професс. Шарлеманя (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Ращевскій.

преследование русских, зажгли единственный на рѣкѣ мостъ, а на противоположномъ берегу выставили батарею и разсыпали стрѣлки; но Павловцевъ не могли остановить никакія прегарды: грозно наклонивъ штыки, они, съ капитаномъ Крыловымъ во главѣ, бросились на горѣвшій мостъ, а за ними послѣдовали стрѣлки дравагося по содѣйстви Сѣвскаго полка. На минуту батальонъ скрылся въ дыму и пламени горящаго моста; но вотъ на другой сторонѣ рѣки показались грозныя для французовъ гренадерскія шанки и раздалось Павловское „ура!“ Опрокинутый неприятель бѣжалъ безъ оглядки, оставивъ въ нашихъ рукахъ всю свою батарею. Въ послѣдствіи императоръ Николай Павловичъ, украсивъ свой Зимній дворецъ изображеніями подвиговъ русскихъ войскъ, повелѣлъ изобразить и этотъ истинно классическій подвигъ Павловцевъ. За Отечественную войну полкъ получилъ Георгиевскія знамена и причисленъ къ составу лейбъ-гвардіи.

Мишуа рядъ слѣдующихъ событій и даже польскія и турецкія войны, описаніе которыхъ заняло бы много мѣста, перейдемъ прямо къ войнѣ 1877—78 гг. Въ эту войну л.-гв. Павловскій полкъ опять былъ призванъ исполнить свой долгъ передъ Царемъ и Отечествомъ на полѣ брани. Перейдя Дунай 2 октября, полкъ сразу вступилъ въ районъ военныхъ дѣйствій, и уже 12 октября участвовалъ въ кровопролитномъ бою подъ Горнишъ-Дубнякомъ. Не вдаваясь въ описаніе боя, отмѣтимъ только нѣкоторые эпизоды его, касающіеся исключительно Павловскаго полка...

Вотъ группа изъ командующаго полкомъ флигель-адъютанта полковника Шмита и знаменныхъ унтеръ-офицеровъ степенно и торжественно двигается со знаменемъ 4-го батальона подъ сильнѣйшимъ огнемъ неприятеля по направлению къ Малому турецкому редуту. Знаменщикъ, Василій Митрофановъ, смертельно раненъ пулею; но, несмотря на это, до послѣднихъ минутъ жизни не оставляетъ со вѣрною ему военною святыней; на всѣ просьбы знаменныхъ унтеръ-офицеровъ передать знамя кому-нибудь изъ нихъ, онъ сердито отвѣчаетъ: „я живъ еще!“ Только чувствуя приближеніе смерти, передаетъ Митрофановъ знамя унтеръ-офицеру Теремкову. Этому тоже ранену, но онъ собралъ послѣднія силы и только тогда согласился пойти на переговоры пунктъ, когда, въ концѣ боя, знамя было водружено на валу турецкаго укрѣпленія имъ и полковникомъ Шмитомъ.

На другомъ пунктѣ поля сраженія Павловскій герой, флигель-адъютантъ полковникъ Руновъ, воспринимая духъ Мазовскаго, ведетъ въ атаку 1-й и 2-й батальоны. Жестокій огонь съ разстоянія 300 шаговъ встрѣчаетъ атакующихъ, которые выхлѣбятъ на совершенно открытую площадку передъ редутомъ. Передовая группа офицеровъ и солдатъ проскальзываетъ подъ ужаснымъ свинцовымъ градомъ и останавливается перевести духъ у соломы, сложеной турками шагахъ въ шестьдесятъ отъ редута. Это закрытіе оказалось обманчивымъ: турки пустили его и выбивали одного за другимъ этихъ храбрцевъ, имѣвшихъ дерзость залезть въ такой близкомъ разстояніи отъ дула современнаго наръзнаго оружія. Это были истинные, беспорочные храбрцы, именами которыхъ украсена „Исторія л.-гв. Павловскаго полка“. Здѣсь, кромѣ полковника Рунова, были слѣдующіе офицеры: Ширманъ, Яблонскій, Гнигладъ 1, Айкановъ, Иващенко, Демальт, Лонскій и Березовскій (нынѣ известный издатель военныхъ книгъ). Изъ девяти павловскихъ офицеровъ остался невредимъ только одинъ; остальные же или перебиты, или переранены. Въ довершеніе ужаса, въ эту же кучку офицеровъ и солдатъ попала граната и, разорвавшись, смертельно ранила флигель-адъютанта полковника Рунова и командира Государевой роты капитана Ширмана.

Изуродованный Руновъ (ему перебито весь лѣвый бокъ до шеи) былъ отнесенъ на переговоры пунктъ, но никакія чудеса врачебнаго искусства не спасли его жизни... И вотъ Руновъ уже сознаетъ это, чувствуетъ близкій конецъ; но своею желанною волею онъ старается заглушить страданія и безрестанно сираниваетъ окружающихъ: „какъ идетъ дѣло? гдѣ наши? взяли ли турецкій редутъ?“ Кажется, что въ немъ не порывається послѣднія нити жизни только вѣдствие страшнаго желанія услышать вѣсть о побѣдѣ. Вечеромъ ему говорятъ, что редутъ взяли, и ему хочется видѣть свой батальонъ, своихъ молодцовъ-побѣдителей. Съ этой мыслью Руновъ мучился до утра. Наконецъ, настало утро, и онъ со слезами проситъ, чтобы его снесли въ редутъ. Никакія убѣжденія докторовъ не могутъ пересилить его желанія: „раненый умираю

повторяетъ одинъ и тѣ же слова: „несите меня къ моимъ молодцамъ, хочу умереть среди моего батальона“...

Уступая желанію умирающаго, его несутъ въ редутъ; но смерть пересиливаетъ могучую натуру Рунова, и онъ умираетъ на пути къ редуту. Посильщики осѣнились крестомъ и продажали шествіе съ тѣломъ героя, которое, какъ святыню, передали солдатамъ. Застывшее лицо Рунова казалось спокойнымъ, довольнымъ; на устахъ играла улыбка... Это было лицо русскаго героя-патріота, вполне удовлетвореннаго своими дѣяніями.

Солдаты пажбно крестились и шептали молитву; офицеры плакали и, наклонясь надъ Руновымъ, цѣловали его холодный лобъ...

Эти минуты были полны грустной, но тѣмъ не менѣе глубокой воспой поэзіи, о которой истинно-военные люди мечтаютъ въ мирное время.

Черезъ мѣсяцъ послѣ боя подъ Горнишъ-Дубнякомъ, мы уже видимъ Павловцевъ въ составѣ отряда генералъ-адъютанта Гурко, на урюжскихъ Балканскихъ высотахъ. То, что перенесли наши войска, полудѣтныя, полубутыя, а иногда и полуголодныя, стои цѣлый мѣсяцъ на Балканахъ, сначала въ невылазной грязи, а затѣмъ среди бурь, мятелей и 20° мороза, — достаточно свѣжо въ памяти и известно всей читающей публикѣ. Съ полной покорностью судьбѣ боролся нашъ простой военный труженикъ съ суровой природой, втаскивалъ въ облачныя выси тяжелыя орудія, прокладывая дороги въ дикихъ горныхъ тущахъ, даже не сознавая, что его гигантская работа есть подвигъ, которымъ по справедливости можетъ гордиться русская нація.

Къ сожалѣнію, размѣръ статьи не позволяетъ намъ рассказать объ участіи л.-гв. Павловскаго полка въ трехдневномъ бою подъ Филиппополемъ и объ его знаменитомъ переходѣ въ бродъ черезъ рѣку Марицу, по которой въ это время шель густой ледъ, рѣзавшій бока не только солдатамъ, но и офицерамъ, которые не успѣли обзавестись лошадьми. Все это переносилось съ удивительнымъ мужествомъ и считалось не подвигомъ, а простымъ исполненіемъ долга.

Переходъ въ жизни и службѣ полка въ мирное время, мы должны остановиться на счастливыхъ и глубокоотрагательныхъ минутахъ, которые пережили Павловцы въ общеніи со своимъ Августѣйшимъ шефомъ — нынѣ въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ II. Назначеніе малолѣтняго цесаревича Александра Николаевича шефомъ л.-гв. Павловскаго полка послѣдовало 19 декабря 1825 года. Въ этотъ священный для полка день Павловцы занимали караулъ въ Зимнемъ дворцѣ. Императоръ Николай I повелѣлъ въ своей кабинетъ малолѣтняго наследника престола и, въ присутствіи уже извѣстнаго намъ графа Остермана-Толстаго, объявилъ цесаревичу о назначеніи его шефомъ л.-гв. Павловскаго полка. Вслѣдъ за этимъ Его Величество приказалъ графу Остерману сопровождать Его Высочество ко внутреннему караулу и поздравить его съ новымъ шефомъ.

Тамбуръ-мажоръ.

Вѣсть объ этой высокой мнѣсти императора быстро распространилась въ полку. Всѣ были охвачены восторгомъ, которое состоялось на другой день. Съ самаго дня назначенія до своей мученической кончины императоръ Александръ II искренно любилъ и баловалъ своихъ Павловцевъ, выражал свои чувства при всякомъ удобномъ случаѣ, при всякой встрѣчѣ съ полкомъ. Эти чувства государя къ полку были замѣчательны по своей теплотѣ, которая навсегда, навѣки запечатлѣвалась въ сердцахъ каждого Павловца, имѣвшаго счастье слышать ласковый голосъ государя, видѣть особую, свойственную ему одному, улыбку, а иногда и слезы на его грустно-думчивыхъ глазахъ, которыя каждый разъ появлялись, когда государь воспоминалъ прежнюю службу полка и связанную съ ней свою молодость. Павловцы твердо знали, что государь часто вспоминалъ полкъ среди своихъ обширныхъ заботъ, а иногда даже и скучалъ по немъ, когда долго его не видѣлъ; но зато и они были преданы ему беззаветно, любили его такъ, какъ только можно любить въ этой жизни государя и человека.

Мы помнимъ одинъ случай, повидимому не выдѣляющийся, но который особенно запечатлѣлся въ нашей памяти. Это было незадолго передъ войной 1877 года. Государь надолго уѣзжалъ за границу и, вернувшись, дѣлалъ объѣзды лагеря. Офицеры стояли у лѣваго фланга палатокъ и ждали его приближенія. Вотъ уже онъ выдѣляется между массой всадниковъ, особенно, свойственной ему одному, осканой, по которой мы его всегда узнавали... У всѣхъ забилось сердце чувствомъ встрѣчи съ обожаемымъ царемъ и горячо любимымъ человекомъ... Остановится-ли? Будетъ-ли говорить?... Государь осадилъ лошадь.

Полковникъ Руновъ.

„Очень рад вас видеть, господа“, сказал он слегка дрожащим голосом и, отбывая, несколько раз кивнул головой. Эти несколько слов были сказаны с таким чувством, которое не поддается описанию. Эта простая сцена почему-то особенно глубоко запечатлелась в нашем сердце и болтливо сажала его в тѣ минуты, когда мы описывали кончину императора Александра II.

Но вернемся къ постепенному ходу событий. Через семь дней послѣ назначенія малолѣтняго цесаревича шефомъ Павловскаго полка императоръ Николай Павловичъ осыпалъ полкъ своимъ посѣщеніемъ вмѣстѣ съ Его Высочествомъ, причѣмъ нижнимъ чинамъ, въ память назначенія новаго шефа, были розданы денежные награды.

Посвященіе въ строевую службу малолѣтняго цесаревича послѣдовало 8 іюня 1826 года, въ лагерѣ подь Краснымъ Селомъ. Во время ученія л.-гв. Павловскому полку императоръ Николай I подбѣжалъ къ построившему въ каре 2-му баталіону и приказалъ Его Высочеству стать въ ряды. У цесаревича не оказалось знака, присвоеннаго тогда офицерамъ, находящимся въ строю. Командиръ 5-й роты, капитанъ Верещагинъ, снялъ свой знакъ и нагналъ счастье надѣть его на мундиръ цесаревича. Во все время маневра, за которымъ слѣдилъ государь, семилѣтній шефъ шель съ баталіономъ; но онъ не въ состояніи былъ безъ посторонней помощи перепрыгивать черезъ встрѣчавшіяся на пути канавы и переходить тонкія мѣста; солдаты зорно слѣдили за этимъ и великій разъ, безъ приказанія офицеровъ, подхватывали его на руки.

Въ 1827 году послѣдовало въ л.-гв. Павловскомъ полку открытіе школы солдатскихъ дѣтей, устроенной иждивеніемъ цесаревича. Съ тѣхъ поръ нѣкогда была неоднократно осыпана знаками вниманія и заботливости своего Августѣйшаго покровителя. Часто съ генераломъ Мердеромъ и въ сопровожденіи своихъ сослуживцевъ, Паткуля и Вельгорскаго, одѣтый въ форму Павловскаго полка, Его Высочество прѣзжалъ въ школу и присутствовалъ на обѣдѣ и занятіяхъ воспитанниковъ. Состоящій при школѣ унтеръ-офицеръ, Евгеній Лукашевъ, былъ назначенъ обучать фронту цесаревича и состоящихъ при немъ въ качествѣ сослуживцевъ молодыхъ людей. Однажды, когда казани, по старинному обычаю, привезли съ Дона своему Августѣйшему атаману рыбу и икру, Его Высочество прислалъ въ школу огромнаго осетра, который воспитанники лакомилась по праздникамъ чуть-ли не весь великій постъ.

6 января 1829 года третій баталіонъ Павловцевъ участвовалъ въ Кременскомъ парадѣ (1-й и 2-й баталіоны были въ это время въ походѣ въ Турцію). Когда адъютантъ 3-го баталіона, прапорщикъ Марковъ, относилъ во дворецъ знамя, его встрѣтилъ съ Петровской залѣ императоръ Николай Павловичъ, шедшій съ одѣтымъ въ Павловскій подпоручикій мундиръ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Поздоровавшись со знаменщикомъ, Государь сказалъ: „Подпоручикъ Романовъ! прини́те знамя и отнесите его на мѣсто“. Марковъ тотчасъ-же уступилъ свое мѣсто цесаревичу, который надѣлъ каску, взялъ ношь козырекъ и повнесъ знамя къ тому мѣсту, гдѣ оно всегда хранится во дворцѣ.

12 декабря 1834 года ознаменовалось новымъ радостнымъ событіемъ для Павловцевъ. По Гагаринской набережной шель караулъ отъ л.-гв. Павловскаго полка подь начальствомъ прапорщика Гершельмана *) и имѣлъ счастье повстрѣтаться съ цесаревичемъ. Его Высочество остановилъ караулъ, подовалъ Гершельмана и радостно объявилъ Ему: „Сегодня Богъ далъ мнѣ сына, и государь повелѣлъ зачислить Его къ вамъ въ полкъ. Когда придешь въ казармы, передай полковому командиру объ этой новой милости Его Величества для объявленія въ полку“.

19 декабря 1850 года полкъ праздновалъ 25-лѣтіе шефства цесаревича Александра Николаевича. Въ ознаменованіе этого дня, съ Высочайшаго соизволенія, состояніе и прежде служившіе въ полку офицеры собрали капиталъ, проценты съ котораго назначались для выдачи пособій бѣднѣйшимъ нижнимъ чинамъ. Кроме наградъ и знаковъ вниманія, которыми были осыпаны по поводу юбилея Павловцы, они удостоились слѣдующихъ словъ, выраженныхъ въ письмѣ Августѣйшаго шефа на имя командира полка: „Душевыя доказательства признательности полка, который я съ дѣтства привыкъ считать роднымъ, я не ожидалъ и ожидать не могъ. Для меня тѣмъ болѣе приятно принять эти знаки признательности г. офицеровъ, что они служатъ мнѣ яснымъ доказательствомъ увѣренности въ постоянныхъ моихъ чувствахъ душевной любви и уваженія къ полку, который я привыкъ питать съ моего дѣтства и который навсегда буду хранить свято въ душѣ моей“.

1 августа 1851 года л.-гв. Павловскій полкъ участвовалъ въ церемоніи открытія памятника императору Павлу I въ Гатчинѣ. Стоявшій у памятника на часахъ, рядовой шефской роты Андреевъ, передъ прѣздомъ Государя, былъ смѣненъ нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ. Малолѣтній Великій Князь, въ мундирѣ рядоваго л.-гв. Павловскаго полка, изволилъ стоять на часахъ во все время парада.

Многя слѣдующія событія, изложеніе которыхъ не соотвѣтствуетъ разбѣру статьи, мы прямо перейдемъ къ счастливей-

Унтеръ-фидъ л.-гв. Павловскаго полка.

шему для полка дню, а именно къ 50-лѣтнему юбилею шефства нынѣ въ Бозѣ почивающаго императора Александра II. День 19 декабря 1875 года ознаменовался для полка особыми, исключительными милостями, которыхъ полкъ даже не ожидалъ. Мы разумѣемъ не награды, пожалованныя государемъ въ этотъ день, а тѣ теплыя, незабвенныя слова, которыя государь произнесъ передъ полкомъ и которыя прямо вылились изъ его великаго любовью сердца.

Утромъ въ Зимній дворецъ собрались все состоящие въ полку и многие изъ прежде служившихъ офицеровъ для представленія шефу и поднесенія ему картины, изображающей выдающіеся эпизоды изъ жизни полка, связанной съ жизнью государя. Въ 10 часовъ утра императоръ Александръ II, ведя за руку своего внука, шибѣ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, одѣтаго въ парадную форму прапорщика Павловскаго полка, вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ. За государемъ слѣдовали все особы Императорской фамиліи, собравшіяся на это торжество. Государь былъ веселъ, доволенъ и на лицѣ его замѣтна была хорошо знакомая полку улыбка. Милостиво поздоровавшись съ офицерами, Его Величество выразилъ имъ свое удовольствіе, что ему удастся провести этотъ день вмѣстѣ съ ними. Государь сказалъ, что онъ живо помнитъ, какъ 50 лѣтъ тому назадъ, въ такомъ возрастѣ, какъ его присутствующій внукъ, онъ получилъ лестное назначеніе быть шефомъ л.-гв. Павловскаго полка, и не сомнѣвается, что этотъ славный полкъ, вездѣ вѣрно, честно и храбро служившій ему, его Августѣйшему отцу и дядѣ, такъ-же будетъ продолжать служить ему, его сыну и внуку. Милостиво принявъ картину и „Исторію полка“, наисланную къ этому дню офицерами, Бутовскимъ и Вороновымъ, государь выразилъ благодарности полку и составителямъ „Исторіи“.

Въ часъ дня состоялся въ Михайловскомъ манежѣ Высочайшій смотръ полку. Государь выѣхалъ на середину манежа и обратился къ Павловцамъ съ слѣдующими словами: „Пятидесятилѣтній шефъ привѣтствуетъ васъ и благодаритъ за честную и всегда вѣрную службу. Я горжусь тѣмъ, что 50 лѣтъ состою въ рядахъ этого славнаго и храбраго полка. Я отнюдь не считаю себя доблестю (при этомъ, обнаживъ саблю, государь отсалютовалъ полку). Я вполнѣ увѣренъ, что вы всегда будете достойны вашихъ Георгиевскихъ знаменъ, заслуженныхъ вами славными предшественниками. 50 лѣтъ я былъ свидѣтелемъ безукоризненной службы полка и вполнѣ увѣренъ, что какъ отецъ моему, какъ мнѣ служили, такъ же сыну моему и внуку вы будете служить съ той-же преданностью, вѣрностью и любовью“.

Государь былъ очень растроганъ, и у всѣхъ присутствующихъ видны были на глазахъ слезы. Тишина продолжалась нѣсколько секундъ, — и вдругъ отъ громаго „ура!“ задрожали стѣны манежа.

Послѣ парада офицеры были приглашены къ Высочайшему столу; а 20 декабря государь посѣтилъ казармы, былъ въ офицерскомъ собраніи, обошелъ помѣщенія нижнихъ чиновъ и удостоилъ принять завтракъ отъ общества офицеровъ. Во время завтрака государь поднялъ бокалъ и произнесъ: „Пью за здоровье моихъ товарищей Павловцевъ!“

Восторгамъ этого дня не было конца. Проводивъ государя, офицеры долго не покидали собранія и все, очарованныя впечатлѣніями послѣднихъ двухъ дней, передавали другъ другу мельчайшія подробности пребыванія государя въ полку.

Вскорѣ послѣ празднованія 50-лѣтняго юбилея полкъ удостоился получить въ подарокъ отъ государя двѣ картины, принадлежавшія императору Николаю Павловичу. Одна изъ нихъ (прилагаемая въ этомъ № *Нивы*) представляетъ бытовую сцену, относящуюся къ пятидесяти годамъ; павловскій солдатъ-цирульщикъ брѣть своихъ товарищей на бивакѣ; а другая — разводъ при императорѣ Николаѣ I. Нынѣ обѣ эти картины, какъ драгоценное воспоминаніе, хранятся на видномъ мѣстѣ въ офицерскомъ собраніи Павловскаго полка.

30 іюня слѣдующаго года полкъ снова былъ оглашенъ, удостоившись принять въ свои ряды семилѣтняго внука своего шефа, нынѣ Наслѣдника Цесаревича, Николая Александровича. Это было въ Красномъ Селѣ на корпусномъ маневрѣ. Когда въ заключеніе маневра полкъ двинулся въ штыки, государь поставилъ передъ своей ротой Великаго Князя, который съ обнаженной саблей повелъ роту въ атаку. Когда рота остановилась, государь подошелъ къ ней и, обращаясь къ командиру 1-го взвода, поручику Филиппеву, сказалъ: „Я хочу поставить Великаго Князя во фронтъ; уступи ему свое мѣсто“. Ставъ затѣмъ на правый флангъ, государь приказалъ взять „на краудъ“ и отдалъ честь находившейся въ налатѣ Цесаревича.

За завтракомъ, къ которому были приглашены офицеры, государь нѣсколько разъ вспоминалъ, какъ онъ самъ въ первый разъ былъ поставленъ въ строй въ Павловскомъ полку;

*) Нынѣ генералъ-адъютантъ.

а затѣмъ, какъ бы предчувствуя войну 1877 года, государь замѣтилъ: „Я надѣюсь, что мой сынъ и внукъ будутъ васъ любить, какъ и я; а что я васъ люблю искренно, весьма сердцемъ—я всегда старался доказать это. Я всегда цѣнилъ ваши заслуги и въ особенности теперь, когда служба стала вдвое труднѣе. Буду стараться всеми силами беречь васъ; надѣюсь, дѣло не дойдетъ до крови: ваша кровь слишкомъ мнѣ дорога; но я утѣренъ, что если ее нужно будетъ пролить, то вы исполните вашу долгъ такъ-же ревностно и достойно, какъ я привыкъ видѣть до сихъ поръ“.

8 февраля 1881 года Павловцы въ послѣдній разъ представлялись своему Шефу на разводѣ съ церемоніей. 1 марта не стало Великаго Царя и человека, и трауръ, въ который облелся л.-гв. Павловскій полкъ, былъ дѣйствительнымъ трауромъ, полнымъ сердечной горечи и слезъ.

Имѣвшая непарадная форма полка.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о нынѣшнемъ состояніи л.-гв. Павловскаго полка. Съ 1814 года полкъ занимаетъ огромныя историческія казармы, хорошо извѣстныя всему Петербургу. Казармы построены въ концѣ прошлаго столѣтія и имѣли другое названіе: въ нихъ помѣщались казенный ломбардъ; а въ нынѣшнемъ старомъ офицерскомъ флигелѣ была главная рецептурная аптека, давшая названіе паучему отъ Милліонной улицы переулку. Главнымъ корпусу

казармъ, представленный на рисункѣ, выходитъ однимъ фасадомъ на Царицынъ лугъ (Марсово поле), а другимъ на роскошную Милліонную улицу, которую можно назвать „улицей дворцовъ“. Противъ главнаго подъѣзда казармъ стоитъ богатѣйшій мраморный дворецъ—зимняя резиденція Вел. Кн. Константина Николаевича. Внутреннее устройство казармъ подвергалось постояннымъ улучшениямъ, а въ настоящее время казармы стали удобными и просторными, вслѣдствіе обращенія темныхъ и затхлыхъ подвальныхъ этажей въ дворники и даже комфортабельныхъ кухонь, гдѣ 1600 человекъ, безъ толкотни и безпорядка, усѣиваютъ корнишки въ теченіе 18 минутъ. Кухни снабжены отлично устроенными печами и всѣми новѣйшими приспособленіями для варки пищи. Полы кухонь гладкіе, асфальтовые; а столы и всѣ принадлежности для обѣда производятъ впечатлѣніе комфорта и опрятности. Полкъ учится въ холодную пору въ казармахъ, а осенью и весной на Царицыномъ лугу, гдѣ имѣетъ свой собственный участокъ. Касаясь обученія и воспитанія, мы должны замѣтить, что военная педагогика, въ примѣненіи ея разумныхъ выводовъ на практикѣ, сдѣлала въ послѣднее время огромныя успѣхи: всѣ понемногу убѣждаются, что успѣхъ въ занятіяхъ зависить не отъ одной только муштровки, но и отъ охоты солдата заниматься военнымъ дѣломъ; а потому лучшіе начальники заботятся въ настоящее время о томъ, чтобы солдатъ былъ доволенъ положеніемъ, питалъ-бы довѣріе къ руководителю и интересовался-бы не только содержаніемъ дѣла, но и служебными успѣхами своей части.

Въ этомъ отношеніи Павловскій полкъ всегда стоялъ на высотѣ своей задачи. Въ послѣднее время въ учебной системѣ полка были сдѣланы многія улучшения, имѣющія спеціальныя и потому не для всѣхъ понятныя интересы. Между прочимъ мы можемъ указать на выработанный въ полку наглядный методъ подготовки учителей изъ нижнихъ чиновъ, представляемыхъ къ новобранцамъ. Спеціальныя занятія съ этими людьми, ведущіяся въ октябрѣ и ноябрѣ, стали отличатся большимъ оживленіемъ, когда отъ учителей потребовали не только теоретическаго курса, но и настоящаго ихъ ремесла, заключающагося въ наглядной передачѣ новобранцу всѣхъ правилъ посредствомъ показа, соединеннаго съ простымъ, толковымъ разсказомъ и съ искусной поправкой. Порядокъ этихъ занятій, заключающійся въ томъ, что одинъ учитель (по очереди) изображаетъ новобранца, со всѣми его неловкостями, а другой примѣрно практикуется исправлять эти неловкости, былъ очень скоро усвоенъ въ ротвахъ, и въ результатѣ получились учителя, умѣющіе мастерски преподавать новобранцу всѣ приемы и правила службы.

Придавая огромную важность нравственному развитію учителей, ротные командиры намѣтали ихъ съ перваго года службы и обставляли особымъ воспитательнымъ вліяніемъ, которое заканчивалось выработкой ласковыхъ манеръ и вообще хорошаго тона обращенія съ новобранцами; а для приданія осмысленности дѣлу съ учителями велѣсь особыя бесѣды о цѣли и значеніи каждаго занятія и вообще объ основаніяхъ учебнаго дѣла. Хорошая выучка новобранцевъ и уменьшеніе процента ихъ болѣзненности явились результатомъ этихъ заботъ. Проектъ этихъ занятій, равно какъ и другія учебно-воспитательныя предположенія, былъ составленъ, по приказанію командира полка, извѣстнымъ въ военно-педагогической

литературѣ капитаномъ Н. Бутовскимъ—младшимъ братомъ нынѣ уже умершаго В. Бутовскаго, — составителя I-й части исторіи л.-гв. Павловскаго полка.

Для развлеченія людей въ свободное отъ службы время въ полку ведется систематическія чтенія, которыя, по своему полезному и интересному содержанію, стали на степень дѣйствительно воспитательнаго элемента. Такимъ образомъ, вмѣсто скучнаго казарменнаго вечера или безцѣльнаго шатающаго виѣ казармъ, гдѣ сторожить солдата вслѣдствіе обласанія, онъ получаетъ пріятное и полезное развлеченіе у себя дома.

Какъ на особая заботы о нравственномъ развитіи солдатъ слѣдуетъ указать на привлеченіе полковаго священника къ систематическому исполненію важнѣйшихъ его обязанностей по отношенію къ существеннымъ нуждамъ военно-православной части. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ, формальныхъ и неопытныхъ для простодушнаго проповѣдей, солдатъ получаетъ отъ своего священника живое слово, живое духовное вліяніе, способное поддерживать и укрѣпить тѣ добрыя нравственныя начала, которыя почти каждый простодушный приноситъ на службу изъ своей пажобной семьи. По обычаю, заведенному въ л.-гв. Павловскомъ полку, солдатъ посѣщается священникомъ вездѣ: въ ротвѣ, въ госпиталѣ, въ карцерѣ и т. д. и вездѣ получаетъ должное духовное наставленіе. Особенное-же вниманіе обращено на нравственныя нужды оторванныхъ отъ семьи и скучающихъ по роднѣ новобранцевъ, которые черезъ вліяніе церкви получаютъ бодрость духа и охоту къ занятіямъ.

Къ сожалѣнію, размѣръ статьи не позволяетъ намъ привести всѣ мѣры, принятыя въ л.-гв. Павловскомъ полку для умственнаго, нравственнаго и религіознаго развитія нижнихъ чиновъ. Всѣ эти мѣры, равно какъ и учебныя приемы, выработанные современной военной педагогикой, читатель можетъ найти въ извѣстной книгѣ капитана л.-гв. Павловскаго полка Бутовскаго: „О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата“, интересной для всѣхъ лицъ, поступающихъ въ военную службу.

Вотъ краткія черты столѣтней жизни и службы л.-гв. Павловскаго полка, взятая изъ его исторіи, составленной гг. Бутовскимъ, Вороновымъ, Вальбергомъ и Кареновымъ. „Исторія полка“ представляетъ роскошное изданіе, иллюстрированное множествомъ рисунковъ и выгравированныхъ извѣстныхъ баталіонистомъ, проф. Шарлеманемъ и другими художниками; но, къ сожалѣнію, книга эта, по своей цѣнѣ (25 р.), не для всѣхъ доступна. Заключивъ въкратку исторію жизни и службы л.-гв. Павловскаго полка, гг. составители имѣютъ право съ гордостью сказать, что за всѣ эти многое годы въ ней нѣтъ ни одного чернаго пятна. „Кости нашихъ гренадеръ, говорится въ „Исторіи“,—покоющіяся на поляхъ всей Европы, доказываютъ, что не даромъ достались намъ наши славныя гренадерки, *Георгиевскія знамена и права старой гвардіи*. Съ девизомъ, начертаннымъ на нашихъ, новорежденныхъ неприятельскими пулями гренадеркахъ: „Съ нами Богъ“, наши предки не знали страха передъ врагомъ. Будемъ-же твердо увѣрены, что и молодые Павловцы не посрамятъ своихъ дѣдовъ и отцовъ, и когда Царь снова призоветъ ихъ къ боевому испытанію, сумѣютъ по старопавловски лечь костями за Царя и Отечество“.

Съ торжествомъ, имѣющимъ состояться 15 мая, мы познакомимъ читателей въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ *Иванъ*.

Гренадеръ 1790 го года.